

НЕЗНАКОМЫЙ ПАИСИЙ (ВЕЛИЧКОВСКИЙ)

О НЕКОТОРЫХ МАЛОИЗВЕСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БИОГРАФИИ
И ОСОБЕННОСТЯХ УЧЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО

Анна Михайловна Брискина-Мюллер

Dr. theol.

Саксонская академия наук, Лейпциг (Германия)

Аннотация. Несмотря на широчайшую известность прп. Паисия (Величковского) в православном мире, ни жизнь его, ни труды не могут считаться достаточно изученными. В настоящем очерке предпринимается попытка обратиться к биографии преподобного, вооружившись методами церковно-исторической науки и попытаться взглянуть на него как на человека своего времени — эпохи Просвещения. В статье рассматривается полученное прп. Паисием образование (начальная квалификация филолога-латиниста), его отношение к учености, понимание послушания, подход к святоотеческим аскетическим творениям, некоторые особенности написанных им монастырских уставов, сознательно хранимое многоязычие паисиевого братства, обстоятельства его ухода с Афона и многократной смены монастырей, а также старчество в понимании преподобного.

Ключевые слова: Монашество, старчество, святоотеческая традиция, аскетика, история Православия в раннее Новое время, Киевская академия, Афон, Драгомирна, Секу, Нямец

Прп. Паисий (Величковский) (1722–1794) известен прежде всего как возобновитель исихастской традиции в славянском и румынском монашестве, возродитель старчества, а также как подвижник, стоявший за переводом текстов забытых или совсем неизвестных святоотеческих аскетических творений, составивших впоследствии славянскую

версию «Филокалии» — «Добротолюбие», монашескую «хрестоматию» целого тысячелетия (IV–XV веков). Ее появление в печатном виде в конце XVIII в. оказало сильнейшее влияние на последующие поколения православных — монашествующих, мирян и богословов, преимущественно в церковном пространстве тогдашней Российской, а также и Османской империи. Несмотря на то, что Румыния, Россия, Украина и Афон почитают прп. Паисия (Величковского) *своим* святым, несмотря на широкую известность, ни жизнь его, ни труды не могут считаться достаточно изученными. И дело не только в многоязычии, сопровождавшем его многие десятилетия и затрудняющем сегодня исследовательскую работу. Дело скорее в нашей привычке рассматривать его (как и других подвижников благочестия) практически вне времени, как если бы не имело значения, в какую именно эпоху и где именно он рос, получал образование, жил. Называя его возродителем старчества, мы редко задумываемся о природе возрождённого им духовного руководства и привычно рассматриваем его через «оптинскую призму», в то время как правильнее было бы попытаться увидеть его независимо от событий и явлений, имевших место много лет спустя после его кончины.

Как ученикам, любившим своего наставника и прожившим бок о бок с ним не одно десятилетие, хотелось удержать в памяти его черты, слова и связанные с ним события, помещая их в надёжные житийныеклады, так и нам сегодня следует попытаться приподнять последние, с тем чтобы взглянуть в его черты по-новому и осознать, как мало мы знаем об этом, казалось бы, всем известном, но в сущности так мало знакомом нам подвижнике.

Киевская академия

Петр Величковский родился, по его собственному свидетельству¹, 21 декабря 1722 г. в Полтаве, в потомственной священнической семье:

1. См. автобиографию: *Прп. Паисий Величковский. Повесть о святем соборе превозлюбленных о Господе отец и братий и чад моих духовных [...]. Как и почему сие святое братство собралось ко мне, грешному и недостойному // Прп. Паисий Величковский. Житие и избранные творения. Церковно-славянский текст с*

его прадед, дед, отец и рано скончавшийся старший брат Иоанн были настоятелями соборной полтавской Успенской церкви². После смерти брата, в 12-летнем возрасте он был представлен Киевскому архиепископу Рафаилу (Заборовскому)³, давшему ему благословение на наследование настоятельства и рекомендовавшему ему поступление на обучение в «Киевские школы» — учебное заведение, основанное в первой половине XVII в. митр. Киевским Петром Могилой и уже тогда носившее титул «academia», то есть — согласно европейской терминологии того времени — университета. Программа академии включала в себя традиционное для европейских высших учебных заведений начальное гуманистическое образование⁴ (четыре года на классы грамматики и по году на классы поэтики и риторики), по окончании которого в Европе становились магистрами и могли приступать

параллельным русским переводом А.П. Власюка. Серпухов: Наследие Православного Востока, 2014. С. 12. — [Далее: Повесть о святом соборе].

2. Там же.
3. Титул митрополита Киевского и Галицкого архиеп. Рафаил получил несколько лет спустя, с образованием митрополии в 1743 г. В своей автобиографии Паисий называет его, однако, митрополитом (Повесть о святом соборе [примеч. 1]. С. 14). — Митр. Рафаил (Заборовский) (1676–1747) учился в иезуитском коллегииуме, затем в Киевской академии, в 1700 г. переехал со своим учителем (будущим митрополитом) Стефаном Яворским в Московскую Славяно-греко-латинскую академию, преподавал там риторику, стал архимандритом Тверского Троицкого монастыря, в 1725 г. — епископом Псковским, Изборским и Нарвским (во Пскове открыл славяно-латинскую школу), в 1731 г. — архиепископом Киевским, Галицким и всей Малой России, в 1734 г. составил устав Киевской академии (*Leges academiae docentibus et studentibus observandae* [дословно: Академические законы, обязательные к соблюдению для преподавателей и студентов]), в 1738 г. основал классы древнееврейского и немецкого языков, возобновил преподавание древнегреческого языка, поддерживал международные контакты академии, с 1743 г. — митрополит Киевский, Галицкий и всей Малой России. — См. о нем: *В[ишневский] Дм.К.* Киевский митрополит Рафаил Заборовский и его меры к исправлению духовенства // Киевская старина 3 (1899). С. 397–423; *Орловский П., прот.* Сказание о блаженном Рафаиле, митрополите Киевском. Киев 1908; *Києво-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст.*: Енцикл. Киев, 2001. С. 113–114.
4. В европейской традиции *studia humanitatis*, или *studia humaniorum* — часть комплекса наук, известных как *artes liberales* (свободные искусства), включавшая в свою программу грамматику, риторику, поэтику, нравственную философию и древнюю историю.

к специализации: в европейских университетах это были богословие, юриспруденция и медицина, в Киевской академии — философия и затем богословие.

Безусловно, именно место и время были тем важным фактором, под влиянием которого складывалась личность и протекала жизнь прп. Паисия (Величковского). Исторические сведения о нём разбросаны в письмах, воспоминаниях современников, в его собственной автобиографии⁵, писавшейся им в конце жизни и оставшейся незавершённой, но сохранились следы и официального характера.

Так, из ведомостей Киевской академии за 1738 год мы узнаём, что «Петр Велечковский», числившийся в то время в списках школы грамматики, «полку малороссийского з места Полтавы син священнический», был «[учения] добраго»⁶. Поступив в академию осенью 1735 года и учась первые годы хорошо, осенью 1739 года он начинает пропускать уроки и проводит почти все время среди монахов, составлявших окружение молдавского митрополита Антония (Путняну), бежавшего из Ясс в Киев⁷ после заключения мира между Россией и Турцией⁸.

В январе 1740 г., будучи вызванным для объяснений⁹ к ректору академии архимандриту Братского Богоявленского монастыря Сильвестру (Кулябке)¹⁰ и отвечая на вопрос, «яковыя ради вины оставил [еси]

5. Повесть о святем соборе (см. примеч. 1).
6. См.: Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии / Введение и примечания Н.И. Петрова. Киев, 1904. Отд. 2. Т. 1. Ч. 2. С. 78 [далее: *Петров*, Акты и документы].
7. Об обстоятельствах, сопровождавших переезд митр. Антония (Путняну) в Киев, см.: Чучко М. Жизнь и деятельность митрополита Антония Путняну-Черновского († 1748) в северных волостях земли Молдавской и в провинции Буковина // Русин 3/29 (2012). С. 91–105 (эл.версия: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-deyatelnost-mitropolita-antoniya-putnyanu-chernovskogo-1748-v-severnyh-volostyah-zemli-moldavskoy-i-v-provintsi-bukovina/viewer> [дата обращения 30.8.2022]); о митр. Антонии см. тж.: Алексеев А.И. Антоний // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 652–653.
8. Подписан 18 сентября 1739 г. в качестве документа, закреплявшего окончание войны между Российской и Османской империями.
9. Разговор с Сильвестром (Кулябкой) см.: Повесть о святем соборе (примеч. 1). С. 32–36.
10. Архим. Сильвестр (Кулябка) (1704–1761) поступил в Киевскую академию в 1726 г., в 1727 г. принял постриг в Киево-Межигорском монастыре и начал пре-

школьное учение», юный Петр Величковский сообщил, что, кроме «намерения быти монахом», не ощущает «от внешнего учения» никакой пользы, поскольку в академии «не от Духа Свята, но от Аристотеля Цицерона, Платона и прочих языческих любомудрцев разума учатся»¹¹. Так, он — действительно метко — сформулировал вполне светскую образовательную концепцию Киевской академии, строившей программу первых шести классов на текстах классической античности и уделявшей большое внимание формированию риторических и вообще литературных навыков у учеников. В разговоре с ректором Петр недвусмысленно высказался и в том смысле, что знает, какое поприще его ожидает в случае, если он, став монахом, закончит академию: почётное положение ученого монаха, «драгоценные ризы» и «прекрасные колесницы», «великая честь и слава» и всяческий «телесный покой»¹². Однако после разговора с ректором, под угрозой телесного наказания, он был вынужден подчиниться и вернуться к учёбе, которую продолжил через силу¹³. В сентябре 1740 года Петр должен был перейти в класс риторики, но съездив летом домой к матери в Полтаву¹⁴, в академию больше не вернулся. Здесь начинается его странничество и путь к монашеству.

В Киевской академии он учился с сентября 1735 по июль 1740 года и прошёл пять классов. Программа академии более или менее подробно описана в работах митрополита Макария (Булгакова), К.В. Харламповича, Д.К. Вишневого и Н.И. Петрова¹⁵. Как из автобиогра-

подавание в Киевской академии (иностранные языки и риторику), в 1738 г. назначен префектом, а в 1740 г. ректором академии и архимандритом Киево-Братского монастыря; с 1745 г. епископ Костромской и Галицкий, с 1750 г. архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский (см. о нем: Киево-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст. С. 303–304). — На момент разговора с Паисием Сильвестр еще не был архимандритом; в автобиографии Паисия он значится как «его преподобие» (Повесть о святем соборе [примеч. 1]. С. 32).

11. Повесть о святем соборе. С. 34.

12. Там же.

13. Там же. С. 36.

14. Там же.

15. *Макарий (Булгаков), митр.* История Киевской Академии. СПб., 1843; *Вишевский Д.К.* Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903; *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914; *Петров.* Акты и документы (см. примеч. 7).

фии самого Паисия, так и из их исследований мы узнаем, что первые шесть классов действительно давали классическое образование. Учебные пособия составлялись с использованием текстов Аристототеля, Цицерона, Квинтилиана. Преподавание велось на *латинском* языке. Критерием учёности считалось владение навыком перевода. По окончании шести классов студенты могли приступать к философии, а по окончании философии — к богословию; в этих последних предметах было принято опираться на схоластический метод. Первые же шесть лет проходили под знаменем не схоластики, а *гуманистики*. И именно эти классы снабжали студентов инструментарием для продолжения образования и последующей научной работы

Выход Петра Величковского из академии по окончании пятого класса — и здесь мы затрагиваем, наверное, первый момент его биографии, часто трактующийся иначе, — ни в коем случае не был чем-то необычным. После шестого класса — риторики — начиналось «массовое движение студентов к выходу из академии, так что иногда выходило из риторики до половины всего состава этого класса»¹⁶. Но пройдя и пять классов академии, Петр Величковский, видимо, успел получить глубокие познания в грамматике славянского и латинского языков, а также доведённые до автоматизма навыки грамматического и стилистического анализа и перевода текста; имел навыки работы с литературными текстами; имел привычку к усваиванию больших объёмов информации, многое знал наизусть и имел привычку к многочасовым учебным занятиям.

Братские школы получили статус «академии» (университета) ещё во второй трети XVII века, когда Киев входил в состав Речи Посполитой. В разговоре о «неизвестном» Паисии (Величковском) важно осознать, что православная Киево-Могилянская академия, несмотря на то что была учебным заведением, находившемся в ведении и ответственности Церкви (как и основная часть европейских учебных заведений этой эпохи), не была в те времена «духовной», то есть не готовила приходское духовенство. До классов философии и богословия (готовивших в т. ч. ученое монашество для преподава-

16. Петров. Акты и документы (примеч. 7). С. XII.

ния, а также служения в церковном управлении) доходили единицы. Петр Величковский, покинув академию, фактически имел начальное университетское образование. Без приобретённого им в Киеве инструментария филолога и переводчика его будущий переводческий «проект» был бы немислим¹⁷.

Годы странничества, Киево-Печерская лавра, Валахия

Автобиография прп. Паисия и другие источники этого времени¹⁸ дают картину интенсивного движения на территории Российской и Османской империй. В первой половине 1740-х годов в потоке странников оказался и он сам: уйдя из академии и с горькими слезами расставшись с матерью (сцена прощания входит в число самых ярких сцен автобиографии)¹⁹, Паисий постоянно в дороге, ищет спутников и провожатых, встречает странствующих монахов и «христолюбцев», останавливается в монастырях, скитах и сёлах — иногда на несколько месяцев, иногда на несколько дней, иногда тяжело заболевая и с трудом продолжая путь, страдая от усталости, истощения, холода (так как «вся оставив в Киеве, едва что взял из одежды»²⁰) и «пребезмерного нападения вошей»²¹.

Ещё будучи студентом в Киеве, он ходил по скитам и монастырям, примеряясь к монашеской жизни. Странником он обошёл полтора десятка скитов и монастырей на пограничных территориях Россий-

17. Подробнее о значении академии для будущих трудов прп. Паисия см. мою статью: *Брискина-Мюллер А.* Влияние духа гуманизма и Просвещения на жизнь и труды воспитанника Киевской академии Паисия (Величковского) // *Труды Киевской Духовной академии* 25 (2016). С. 249–264.

18. Например, самосвидетельства: [*Турчиновский Илия.*] Автобиография южно-русского священника первой половины XVIII столетия // *Киевская старина* 1885/2. С. 318–332; *Григорович-Барский Василий.* Странствования по святым местам Востока, с 1723 по 1747 гг. / Под ред. Николая Барсукова. Ч. I. СПб., 1885. — Много сведений собрано в книге Харламповича (см. примеч. 15).

19. Повесть о святем соборе (примеч. 1). С. 36–40. См. также: «Повесть о матери моей, что случися ей по отшествии моем от нея» — повесть, включенная Паисием в автобиографию (там же. С. 94–100).

20. Там же. С. 46.

21. Там же.

ской империи и Речи Посполитой, а потом в Валахии, Молдавии и на Афоне. Из Любечского монастыря, расположенного недалеко от Чернигова, он бежал — прожив там всего три месяца — после пощечины и удара настоятеля, когда, падая, перелетел через порог настоятельской кельи²². В июле 1741 года он приходит в монастырь св. Николая Мирликийского (Медведовский) на острове в реке Тясмин²³. На Преображение настоятель — иером. Никифор — постригает его в рясофор²⁴. Петр Величковский был пострижен с именем Парфения. После пострига братья перепутали его имя и имя его сопостриженика, получившего имя Платон. Так Петр стал именоваться Платоном²⁵. С началом гонений на православие²⁶ и с роспуском братии в декабре 1741 г.²⁷ Петр Величковский (теперь Платон) был вынужден вернуться в Киев, куда пришел, вероятно, в начале 1742 года. Там он отправляется в Киево-Печерскую лавру, наместником которой был архимандрит Тимофей (Щербацкий)²⁸ — товарищ его покойного отца; в юности они были однокашниками в Киевских школах и обещали друг другу сохранить дружбу до смерти²⁹. В память о нем, архим. Тимофей теперь берет на себя заботу о его сыне. Однако и из лавры Платон (Величков-

22. Там же. С. 62: «... толь крепко удари мя в ланиту яко едва возмог оудержатися на ногах, еще же и пхнувшу ему мене падох чрез праг келлии его». — Прегрешение состояло в том, что Петр, несший послушание келаря, выдал поварам для настоятеля — новоназначенного игумена Германа (Загоровского) — не ту капусту.

23. Там же. С. 80.

24. Там же. С. 84.

25. Там же.

26. Там же. С. 86.

27. Там же. С. 88.

28. Архим. Тимофей (Щербацкий) (1698–1767), выпускник богословского класса академии (1727 года); до 1737 года служил писарем при киевской архиерейской кафедре, в том числе при архиеп. Рафаиле (Заборовском); в 1740 г. назначен архимандритом Киево-Печерской лавры, в 1747 г. возведен в сан митрополита Киевского (и, таким образом, стал преемником митр. Рафаила Заборовского), в 1757 г. — митрополит Московский. — См.: *Граевский И.С.* Киевский митрополит Тимофей Щербацкий. Киев, 1912; Києво-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст. С. 600–602. — На смену ему пришел Арсений Могилянський, о котором речь пойдет ниже.

29. Повесть о святем соборе (примеч. 1). С. 88. — О дате кончины своего отца Паисий пишет, что, как ему кажется («якоже мню»), отец умер, когда ему самому шел четвертый год, то есть в 1725 или 1726 году (там же. С. 12).

ский), уже 20-летний, тайно уходит, прожив там всего год, несмотря на то, что жизнь в лавре ему нравилась и он имел намерение остаться там «неисходно, даже и до последнего [своего] издыхания»³⁰. Ушел он, последовав зову внезапно объявившегося товарища по академии, с которым они в 15 лет поклялись друг другу никогда не расставаться, не жить в больших монастырях, но только у какого-нибудь опытного старца-отшельника или в странничестве и «злострадании»³¹.

Нищим странником, изнемогающим от голода, холода и болезней, не знающим толком, куда идти, он оказался в Валахии. Там его приняли в один из скитов, находившихся под духовным руководством прп. Василия Поляномерульского³². Но и эти места он покидает четыре года спустя, влекомый мечтой о пустынножительстве и горько разочарованный в товарище, который их юношеский уговор «во всесовершенное положил есть забвение»³³. В автобиографических пассажах, так ярко повествующих об этом, Паисий — полвека спустя — пишет об этом всё ещё со скорбью и недоумением.

Афон: двуязычие, взаимопослушание, чтение

Оставив Валахию, в 1746 году он уходит на Афон, имея за плечами годы странничества, а теперь ещё и двуязычия: в Валахии он получил

30. Там же. С. 104.

31. Там же. С. 22.

32. Прп. Василии Поляномерульский (ок. 1692–1767), в юности жил в Мошенских горах; ушел в Валахию, вероятно, с началом монастырских реформ эпохи Петра I; основал монашеское братство, окормлял несколько скитов (в одном из которых позже жил и сам Паисий Величковский), автор предисловий к творениям прпп. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Иерусалимского и Нила Сорского (см. в издании: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1847. С. 72–164). — См.: *Păcurariu M. Vasile dela Poiana Mărului // Dicționarul teologilor români*. Sibiu, 2014. P. 685–686; *Пелин В.* Прп. Василий Поляномерульский // *Православная энциклопедия*. Т. 7. С. 214–216; *Raccanello D.* Rugăciunea lui Iisus în scrierile starețului Vasile de la Poiana Mărului. Sibiu, 1996 (перевод с итальянского); *idem.* Vasilij de Poiana Marului // *Dictionnaire de Spiritualité* 16 (1992). Col. 292–298; *idem.* Sfântul stareț Vasile de la Poiana Mărului. Introduceri în rugăciunea lui Iisus și isihasm. Sibiu, 2009.

33. Повесть о святом соборе (примеч. 1). С. 146.

познания в румынском языке. Здесь он не оставляет надежду найти себе такого духовного наставника, у которого он мог бы жить по образу египетских отцов-пустынников, и, не найдя такового, поселяется в келье под названием Кипарис³⁴ недалеко от монастыря Пантократор и проводит здесь в вынужденном уединении около четырех лет.

Обстоятельства, определявшие его жизнь в эти годы, он описал примерно 10 лет спустя в письме некоему Афанасию Молдаванину³⁵, старцу (то есть настоятелю) одного из тамошних скитов, около 1757 года: отсутствие навыка к какому-либо рукоделию и потому отсутствие средств к существованию, одежды и обуви, голод, зимой стужа, крайнее измождение, болезни, совершенная неопределённость, неуверенность в правильности выбранного пути. Временами, пишет он Афанасию, вернувшись к себе келью после похода за сухарями или за древесиной для рукоделия, он не один день лежал, не будучи в состоянии совершить хотя бы сокращенное правило.

Вместе с тем в эти годы он начал общаться с болгарскими и сербскими монахами³⁶, делившимися с ним сухарями и снабжавшими его книгами святых отцов. Чтение аскетических авторов привело его к выводу о том, что это «мое бедное мнимое безмолвие несть моя мера»³⁷ и что ему придется вернуться на родину. Об этих сомнениях

34. Упоминается в написанном Исааком Даскалом жизнеописании Паисия: [*Isaac Dascalul.*] *Viața cuviosului Paisie de la Neamț. Iași*: Editura Trinitas, 1997. P. 1–89, здесь p. 29. См. также в житии Паисия, написанном монахом Платоном: [*Платон*]. Житие и подвиги блаженного отца нашего Паисия. Нямецкий монастырь, 1836 (цит. по репринту: *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Monasticism among Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794).* Thessalonica, 1986. P. 151–225, p. 190.
35. *Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie // Sfântul Paisie de la Neamț, Cuvinte și scrisori duhovnicești.* Editura Doxologia, 2010. T. 2, p. 38–108 [далее: *Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie*]. — Славянская версия: Рильский монастырь (Национальный музей «Рильский монастырь. Библиотека»), рукопись 5.25 (*Монах Паисий (Величковский)*). Ответ иером. Афанасию Молдаванину // *Прп. Паисий (Величковский)*. Polemica с Афанасием. М. (в печати).
36. Сербские и болгарские «благодетели», дававшие ему книги, упоминаются и в письме другу юности — иерею Димитрию. См.: Первое послание иерею Димитрию (от 16 мая 1766 г.) // *Прп. Паисий Величковский*. Житие и избранные творения. С. 390–416, здесь С. 408 [далее: Первое послание иерею Димитрию].
37. Там же.

Платон говорил и с духовником³⁸. Тот, однако, ответил ему, что, если он будет переносить свою тяжелую жизнь с благодарностью и останется на Афоне, Господь зачтёт ему это за молитвенное правило. Около 1750 года Василий Поляномерульский, будучи на Афоне, постриг Платона в мантию с именем Паисий.

Первым братом, пришедшим к 28-летнему Паисию вскоре после этого³⁹ с просьбой принять его в ученики, был румынский монах Виссарион⁴⁰. Паисий, никогда сам не живший в послушании, как он свидетельствует о себе⁴¹, не считал возможным никого ничему учить. Поскольку же Виссарион просил настойчиво, Паисий решил взять его «не во ученика, но в товарища»⁴². Он предложил ему жить во взаимопослушании, а вместо наставника взять себе в учителя книги — Св. Писание и творения аскетических отцов⁴³.

38. То есть со священником, принимавшем у него исповедь. Об этом Паисий пишет в письме Афанасию Молдаванину: Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie (примеч. 35). Р. 53. — В слав. версии: *Монах Паисий (Величковский)*. Ответ иером. Афанасию Молдаванину). Л. 250б.
39. В 1749 или 1750 г. (в литературе называются обе даты) Паисия посетил Василий Поляномерульский, а Виссарион пришел к Паисию примерно через три месяца после прихода Василия (ср.: [Платон]. Житие и подвиги блаженного отца нашего Паисия [см. примеч. 35]. С. 192): «монах юн именем Висарион» пришел «яко тримесяцев прешедшим». При этом дата остается гипотетической, поскольку Паисий свидетельствует (в вводной части Драгомирского устава [см. примеч. 81]) о том, что принял Виссариона не сразу, но нигде не говорит, сколько времени Виссариону пришлось ждать.
40. Упоминается в письме Паисия митрополиту Гавриилу Каллимаху (1763): в румынской версии см. Scrisoarea către Mitropolitul Gavriil Calimachi // Paisie de la Neamț. Autobiografia și Viețile unui stareț, urmate de Așezăminte și alte texte. Ed. a III-a adăug. Ed. de diac. Ioan I. Ică jr., Sibiu 2015. Р. 462-468 [далее Scrisoarea către Mitropolitul Gavriil Calimachi]. — До сих пор не публиковавшуюся славянскую версию см.: РНБ фонд 573 СПбДА № 279. Лл. 175-183, здесь л. 176 об. [далее: Письмо митр. Гавриилу Каллимаху]. .
41. Например, в автобиографии: «И тако аз оканный останах аки овца заблуждшая без пастыря моего и наставника в самочинии и самоволиих вся дни живота моего изжив. И не сподобихся нигдеже в повиновении отца некоего пребывати» (Повесть о святем соборе ([примеч. 1]). С. 86.
42. *Прп. Паисий (Величковский)*. Письмо митрополиту Гавриилу Каллимаху (1763), слав. версия (см. примеч. 40), л. 176 об.
43. Там же.

Так *двуязычие, взаимопослушание и книги*, то есть чтение⁴⁴, ложатся краеугольным камнем в фундамент будущего паисиева братства — в дополнение к таким традиционным подвигам, как пост и молитва. В последующие годы вокруг Паисия собиралось все больше румыно- и славяноязычных учеников, ожидавших от него духовного руководства. Паисий оказался в ситуации буквально навязываемой ему роли учителя. Продолжая ощущать себя неспособным к ней, он остро нуждался в письменных руководствах, которые рассчитывал найти в Священном Писании и святоотеческих творениях. Через какое-то время поиски обрели систематический характер⁴⁵. Так был заложен камень в фундамент и будущего «Добротолюбия». По образцам, которые он находил в святоотеческих текстах, он строил жизнь своего братства.

В 1758 году, епископом Григорией Рашкой, он был рукоположен в сан священника⁴⁶.

Ежедневную жизнь своего, поначалу ещё небольшого, братства в первые годы Паисий описал в письме уже упоминавшемуся афонскому монаху Афанасию Молдаванину, обвинившему его и его братьев в несоблюдении монашеского молитвенного правила и богослужебного устава. В своём ответе Паисий подтверждает несоблюдение правила⁴⁷, однако объясняет его тяжелейшими, почти невыносимыми условиями жизни, в которых находились братья: отсутствие крыши над головой, одежды, обуви; голод, долги. Братья едва выживали, собирая весь день

44. О значении чтения для монаха в глазах прп. Паисия (Величковского) см. мою статью: *Брискина-Мюллер А.М.* «Прилепись всею душою своею к чтению книжному!». Чтение — забытая категория аскетического богословия прпп. Исаака Сирина, Григория Синаита и Паисия (Величковского) // *Богословский вестник* 31 (2018). С. 93–122.

45. Свои поиски Паисий подробно описывает в письме своему ученику архимандриту Софрониевой пустыни Феодосию (Маслову), известном как «второе послание Феодосию», см.: *Прп. Паисий Величковский. Житие и избранные творения*. С. 336–374, особенно С. 350–358.

46. Упоминается в житии, составленном одним из биографов Паисия, его учеником Исааком Даскалом: [*Isaac Dascalul*], *Viața cuviosului Paisie de la Neamț* (см. примеч. 34). Р. 34.

47. *Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie* (примеч. 35). Р. 53–55; славянская версия: *Монах Паисий (Величковский). Ответ иером. Афанасию Молдаванину*). Л. 25–28.

древесину на дрова и строительство, таская камни, строя кельи, собирая милостыню (сухари) по святогорским монастырям. Поэтому, когда они собирались вечером, полумертвые от усталости, Паисий действительно читал с ними сильно сокращённое правило и отпускал их спать.

Афанасий упрекает Паисия и в том, что тот де — вместо того, чтобы молиться по уставу, — запирается у себя в келье и неизвестно что там читает⁴⁸, явно намекая на какой-то особый вид молитвы. В своём ответе Паисий подтверждает, что запирается, потому что болен и иногда не может не то что стоять, но даже сидеть. Но даже если бы он запирался по лени, то и в таком случае это не Афанасиева ума дело⁴⁹. Болезнь эта упоминается и в житиях Паисия, где речь идёт, однако, о более поздних годах, когда он был вынужден работать, сидя в постели и обложившись рукописями, грамматическими справочниками и словарями⁵⁰. Из ответа же Афанасию ясно следует, что Паисий был болен уже в это время, в возрасте примерно 35 лет и даже раньше. Тем удивительнее масштаб дела, взваленного им на себя в эти и последующие годы, его энергия и колоссальная работоспособность.

Все (мнимые) ошибки Паисия Афанасий объясняет себе его учённостью; а ведь монаху, пишет он, надлежит просить Бога не о даре многочтения, а о даре плача о грехах⁵¹. Упрёк в многочтении как при-

48. Scrisoarea Starețului Atanasie Moldoveanul către Starețul Paisie // Sfântul Paisie de la Neamț, Cuvinte și scrisori duhovnicești. Editura Doxologia, 2010. Т. 2. Р. 38–108 [далее: Scrisoarea Starețului Atanasie Moldoveanul către Starețul Paisie]. Р. 25–37, здесь р. 28. Славянская версия: *Иером. Афанасий Молдаванин*. Письмо монаху Паисию (Величковскому). Л. 3.
49. Рум.: «atunci de aceasta nici o stricăciune nu este sufletuilui tău» (досл.: «даже тогда нет вреда твоей душе» [Там же. Р. 55]); славянская версия: «аще бы и лени ради моя, то и о сем несть ни един вред души твоей» (л. 27 об.–28).
50. «Бяху бо раны на всем правом боку до плесны ножныя, и живот виходив: лежати же на правой стране не можаше [...]. На постели идеже почиваше округ оклавшись книгами, сколко Лексиконов, Быблия греческая, Быблия славенская, Граматики греческа и славенска, книга из неяже преводил, свеща посреде, сам же седя аки малое отроча согнувшись, или лежа всю ночь писаше» (*Митрофан*. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия // *Прп. Паисий Величковский*. Житие и избранные творения. С. 166–302, здесь С. 270).
51. Scrisoarea Starețului Atanasie Moldoveanul către Starețul Paisie (примеч. 48). Р. 27; славянская версия: *Иером. Афанасий Молдаванин*. Письмо монаху Паисию (Величковскому). Л. 10б.

знаке своеумия и несмирения занимает Паисия неожиданным образом сильнее, чем можно было бы ожидать перед лицом серьезности других предъявленных ему обвинений. В своём ответе Афанасию теме чтения он отводит отдельную — 14-ю — главу. Многочтение и молитва никак не исключают друг друга, пишет Паисий. Чтение заповедано Христом, оно спасительно; книги — Священное Писание и творения святых отцов — могут взять на себя роль духовного отца в случае отсутствия такового; без чтения невозможно достичь покоя, научиться покаянию, узнать волю Божию, сохраниться от ереси. В своём ответе Паисий ссылается, в том числе, на прп. Григория Синаита и более ранних авторов, упоминая и одного из любимых своих аскетических писателей — прп. Исаака Сирина⁵². Оба они не только называют чтение одним из основных монашеских занятий, но описывают духовные плоды чтения и богомыслия теми же словами, которыми в аскетической традиции описываются духовные плоды молитвы. Для Исаака Сирина чтение, молитва и богомыслие — вещи одного порядка: «*Всякое попечение [...] ума о Боге, всякое размышление о духовном устанавливается молитвою и нарицается именем молитвы*»⁵³. Прп. Григорий Синаит — другой духовный писатель, часто упоминающийся у Паисия, — сожалеет о том, что любителей читать не много: в основном, говорит он, все что-то слышали и довольствуются потом тем, что запомнили⁵⁴. При этом чтение, говорит Григорий, должно занимать треть всего времени монаха. Чтение полезно и

52. Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie (примеч. 35). P. 80, 82; славянская версия: *Иером. Афанасий Молдаванин. Письмо монаху Паисию (Величковскому)*. Л. 280б., 530б.

53. *Исаак Сирин, прп.* Слова подвижнические. Москва, 2016, здесь: Слово 39 (С. 262–263). — Ср. критическое издание «Слов подвижнических»: *Μάρκελλος Πιράρ [= Marcel Pirard]* (ed.): Τοῦ ὁσίου Ἀββᾶ Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου Λόγοι Ἀσκητικοί. Ἡ κριτικὴ ἔκδοσις. Ἁγίου Ὄρους, 2012, здесь Λόγοι Ἀσκητικοί, ΝΓ' (53) (Σ. 675,52–676,60). — Курсив мой (А. Б.-М.); нумерация Слов в славянской и греческой традиции разная.

54. *Григорий Синаит, прп.* Главы о заповедях и догматах // Добротолюбие. Т. 5. М., 2014. С. 161–191, здесь гл. 96: С. 177. — Ср. в греческом издании: *Γρηγόριος ὁ Σιναΐτης. Κεφάλαια δι' ἀκροστιχίδος πάνυ ὠφέλιμα. Λόγοι διάφοροι // Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν νηπτικῶν. Ἀθήναι, 1893. Τ. 2. Σ. 243–267, здесь Σ. 253.*

когда есть сомнения в учителе: в этом случае монаху следует искать руководства в Св. Писании⁵⁵.

Неразрывность молитвы и чтения, а также чтение как одно из основных монашеских занятий и даже обязанностей — центральный мотив, проходящий красной нитью и сквозь всю жизнь прп. Паисия (Величковского). Обосновывая необходимость чтения, он ссылается при этом не только на духовную пользу чтения, а на слова Христа: «Исследуйте Писания» (Ин. 5:39)⁵⁶, толкуя это место в том смысле, что надо не просто читать священные тексты, а читать их *исследуя* — то есть всегда воспринимать чтение как поиск свидетельств о Христе. Чтение обретает для Паисия вес божественной заповеди. Составленный Паисием в 1763 г. Драгомирнский устав наряду с умной молитвой обязывает монахов к самостоятельному келейному чтению Священного Писания и святоотеческих творений⁵⁷. Один из биографов прп. Паисия, иеросхимонах Митрофан, свидетельствует о том, что старец постоянно призывал братьев к чтению⁵⁸. Как для преподобных Исаака и Григория, так и для прп. Паисия чтение ведёт к состоянию глубочайшего внутреннего покоя, как бы к пребыванию во внутренней пустыне⁵⁹. Описываемый им уход в безмолвие наступает не только в молитве и в чтении, но даже во время переводческой работы. Во время как в житиях святых обычно присутствует мотив «бдения и всенощной молитвы», житие Паисия, составленное иеросхимонахом Митрофаном, сообщает, что Паисий, будучи уже пожилым человеком, всю ночь писал (читал, переводил, редактировал)⁶⁰. В Румынской

55. Григорий Синаит, прп. Наставления безмолвствующим // Добротолюбие (см. примеч. 54). С. 199. — *Γρηγόριος ὁ Σιναιτης*. Περί τοῦ πῶς δεῖ καθέζεσθαι τὸν ἡσυχάζοντα εἰς τὴν εὐχήν // *Ibid.* Σ. 273–279, здесь Σ. 277.

56. Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie (примеч. 35). Р. 99; славянская версия: *Монах Паисий (Величковский)*. Ответ иером. Афанасию Молдаванину. Л. 69об.

57. Așezământul paisian de la Dragomirna (1763) (примеч. 81). § 6. Р. 125. — Устав старца Паисия. Л. 189.

58. *Митрофан*. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия (примеч. 50). С. 270.

59. Там же. С. 272.

60. «Весь день отправляше дела духовная, и внешняя, всю же ночь писал» (Там же. С. 270).

Православной Церкви есть икона, изображающая его за письменным столом, над книгами, с пером в руке.

Паисий пишет Афанасию, что не понимает, на основании каких соображений тот решил не читать книг. Он подтверждает, что долг христианина — учиться смирению, любви к ближнему, покаянию и плачу о грехах, но «откуда сего научишиися, аже не читаеши ни единыя книги»⁶¹. Без чтения, пишет он, «спастись невозможно»⁶²; более того: читать нужно много⁶³. И дело не только в том, что без чтения невозможно узнать волю Божию⁶⁴, а в том, что внешних подвигов (в данном случае соблюдения богослужебного устава, на котором так настаивал Афанасий) недостаточно, ибо наряду с подвигами «потребен есть и разум, нужно есть и рассуждение»⁶⁵. «Веры ради и любви [...] к святым книгам», пишет Паисий, он готов «кровь свою проливать»⁶⁶. Так, тема апологии чтения вырастает у прп. Паисия до масштаба защиты от новой ереси — *книгоборчества*. Мысль о презрении к чтению для него — одна из ловушек дьявола; ничто не приводит так быстро к гибели, повторяет он вновь и вновь, как отказ от чтения⁶⁷.

Поскольку прп. Паисий считается возродителем умной *молитвы* и духовного руководства («старчества»), тема подобной первостепенности *чтения* подлежит серьезнейшему осмыслению. Мотив не просто полезности, а *спасительности* чтения — можно смело утверждать — совершенно забыт в благочестии Восточной Церкви и нуждается в пристальном внимании. Уже биограф прп. Паисия схимонах Митрофан сетовал на то, что мы «забыли [...] учение его [прп. Паисия] о чтении книжном»⁶⁸.

61. Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie (примеч. 35). Р. 97; славянская версия: *Монах Паисий (Величковский)*. Ответ иером. Афанасию Молдаванину. Л. 67об. — Курсив мой (А. Б.-М.).

62. Там же. Р. 105; славянская версия: Л. 74об.

63. Там же. Р. 106; славянская версия: Л. 75об.

64. Там же. Р. 104–108; славянская версия: Л. 73об–75об.

65. Там же. Р. 105; славянская версия: Л. 74.

66. Там же. Р. 107; славянская версия: Л. 76.

67. Этой теме посвящена вся 14-я глава письма прп. Паисия Афанасию. См.: Там же. Р. 104–108. Славянская версия: Л. 73об–76об.

68. *Митрофан*. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия (примеч. 50). С. 276.

Таким образом, в конце 1750-х годов Паисий предстает перед нами не просто полемистом, но и ритором, и писателем, мыслящим буквально в категориях современной историографии. Разбирая отсылку Афанасия к древности богослужебного устава («церковного правила»), Паисий поясняет ему, что отцы действительно заповедовали хранить «правило», но, конечно, не в том виде, в каком оно известно нам сегодня, поскольку в апостольские времена «не было ни тропарей, ни кондаков, ни канонов, ни Минеи, ни Октоиха, ни Триоди постной, ни Триоди Цветной»⁶⁹, и излагает разницу между «правилом» анакоретов и киновитов, подкрепляя эту теорию монашества отсылками к аскетическим писателям, приводя имена и цитаты. Здесь Паисий демонстрирует способность мыслить рационально, следовать не букве Предания, а его смыслу и духу.

Описанные в письме Афанасию тяжелые условия жизни оставались неизменными в течение всего афонского периода: с 1746 года, когда Паисий только пришел на Афон, до ухода его братства с Афона в 1763 году. И в келье св. Константина, и в скиту пророка Илии они сталкивались с тем же: прокормиться такому большому братству было трудно, и жить им было очень тесно. С этими обстоятельствами связан малоизвестный эпизод игуменства преподобного в монастыре Симонопетра. В 2017 году были опубликованы документы⁷⁰, не только доказывающие факт игуменства прп. Паисия в монастыре Симонопетра, но и дающие подробную информацию касательно передачи Симонопетры иеромонаху Паисию (Величковскому), действительно имевшей место в 1762 году, а также касательно обстоятельств ухода братства с Афона в 1763 году⁷¹.

69. Răspunsul Stareșului Paisie către Stareșul Atanasie (примеч. 35). Р. 47; славянская версия: *Монах Паисий (Величковский)*. Ответ иером. Афанасию Молдаванину. Л. 2006 («во времена святых апостолов, ниже тропари бяху, ни кондаки, ниже каноны, ни минеи, ни октоих, ни триоди, ни пентокостари, ни прочая многая»).
70. *Шумило С.В.* Неизвестное письмо прп. Паисия Величковского за 1763 г. и другие документы, касающиеся его игуменства в монастыре Симонопетра // Афонское наследие. 5–6 (2017). С. 231–255.
71. Анализ документов и попытку реконструкции этих событий см. в моей статье: *Брискина-Мюллер А.М.* Прп. Паисий (Величковский) в бытность свою игуменом монастыря Симонопетра. Об обстоятельствах переселения прп. Паисия и его братства с Афона в Молдавское княжество (1763 г.) // Труды Киевской духовной академии 29 (2018). С. 235–257.

Документы свидетельствуют о том, что Паисий находился в тупиковой ситуации: у просторного монастыря Симонопетра было слишком много долгов, так что жизнь в этом монастыре означала бы постоянные конфликты с властями. Пребывание и в скиту пророка Илии, и в Симонопетре влекло за собой необходимость посылать братию за милостыней в мир. О том, чтобы вести сосредоточенную монашескую жизнь, не могло быть и речи⁷². Решение покинуть Афон было принято единогласно⁷³. Опубликованные документы также демонстрируют, насколько активное участие в судьбе Паисия и его братства принимали бывшие Константинопольские патриархи Кирилл V и Серафим II⁷⁴. С ними обоими Паисий состоял в доверительных отношениях. Оба к этому времени находились на покое⁷⁵, оба жили на Афоне: Кирилл — в скиту св. Анны, Серафим — в монастыре Пантократор.

Кирилл любил Паисия и его братию⁷⁶. Серафим II регулярно исповедовался у Паисия и любил беседовать с ним⁷⁷. Паисий делился с ним своим беспокойством по поводу ситуации, в которой находилось братство и говорил с ним о том, что им с братьями, видимо, придется уйти с Афона⁷⁸. Идея передать Паисию монастырь Симонопетра

72. Это подчеркивает и патр. Кирилл в своем письме митр. Арсению Киевскому от 4 апреля 1763 г. // Шумило, Неизвестное письмо (примеч. 70). С. 250.

73. *Прп. Паисий (Величковский)*. Письмо митр. Арсению, от 20 апреля 1763 г. // Шумило С.В. Неизвестное письмо (примеч. 70). С. 247.

74. *Прп. Паисий (Величковский)*. Письмо митр. Гавриилу Каллимаху (1763 г.) (примеч. 40), Л. 178 об.: Патриарх Серафим, «о изшествии нашем сожалея, восхотел был утвердить наше житие, в единой святогорской обители глаголемой Симонопетре». — Рум. версия: Scrisoarea către Mitropolitul Gavriil Calimachi. P. 465.

75. Кирилл был патриархом Константинопольским с 1748 по 1751 и с 1752 по 1757 гг.; Серафим II — с 1757 по 1761 гг.

76. *Прп. Паисий (Величковский)*. Письмо митр. Киевскому Арсению (Могилянскому), от 20 апреля 1763 г. // Шумило С.В. Неизвестное письмо (примеч. 70). С. 247.

77. Биограф Паисия Митрофан, проживший с ним 30 лет, пишет о нём: «Бысть многим тамо духовник, и самому Святейшему Патриарху Серафиму, пребывающему тогда в монастыри Пантократоре. Часто призвав в скит посещаше блаженного, и в сладость послушаше его» (*Митрофан*. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия [примеч. 50]. С. 220).

78. *Прп. Паисий (Величковский)*. Письмо митр. Гавриилу (Каллимаху) (1763 г.) (примеч. 40), рум. версия: Așezământul [paisian] de la Dragomirna // Paisie de la Neamț. Autobiografia și Viețile. P. 465; славянская версия: РНБ фонд 573 СПбДА

пришла в голову, вероятно, Серафиму: он пытался удержать Паисия с братьями на Святой горе⁷⁹. Об этом сообщает и сам Паисий в письме митрополиту Гавриилу Каллимаху⁸⁰ в конце 1763 г.

Таким образом, Паисий и его братья покинули Святую гору в 1763 году по причине невыносимых условий жизни.

Драгомирна, Секу, Нямец

Получив в 1763 году монастырь в Драгомирне, Паисий пишет письмо митрополиту Молдавии Гавриилу Каллимаху, в котором благодарит его за тёплый приём и просит благословить устав братства, который он тут же и излагает⁸¹. Этот устав, пишет он, братство начало соблюдать ещё на Афоне.

Драгомирнский устав содержит ряд традиционных мотивов — нестяжание, неимение ничего своего (§1), послушание насельников настоятелю и собратьям как Самому Богу (§2) и др. Но есть и особенности, напр., § 9, содержащий требование подотчетности настоятеля братии⁸²: настоятель обязан уведомлять всю братию, отлучаясь из монастыря, и отчитываться перед братией при возвращении. §3 содержит предостережение настоятелю: учить братию он должен исключительно по Св. Писанию и учению святых отцов, но не от себя⁸³.

№ 279. Л. 178: «Помысл же сей многажды открывах святейшему патриарху кир Серафиму».

79. *Митрофан*, Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия (примеч. 50). С. 222–224: узнав о планах Паисия, «Святейший Патриарх Серафим, и прочие честнии святогорцы, зело сожалеша о изшествии блаженного, и увещаваша и молиша не исходити из Святыя горы».

80. См. примеч. 81.

81. Устав братства — приложение к письму Паисия (Величковского) митрополиту Гавриилу (Каллимаху) (примеч. 40). В румынской версии см.: Așezământul [paisian] de la Dragomirna // Paisie de la Neamț. Autobiografia și Viețile unui stareț, urmate de Așezăminte și alte texte / ed. a III-a ad., de Ioan I. Ică jr. Sibiu, 2015. P. 468–483 [Далее Așezământul paisian de la Dragomirna]. — До сих пор не опубликованная славянскую версию см.: Устав старца Паисия: РНБ фонд 573 СПбДА № 279. Л. 183–202 [Далее: Устав старца Паисия].

82. Там же, особенно § 3. P. 470; § 9. P. 475–476.

83. Там же. P. 470–471.

Устав содержит и ряд параграфов, регулирующих отношения с миром: Паисий просит митрополита запретить женщинам вступать на территорию монастыря, не делать обитель местом паломничества (поскольку от паломников «всеконечное общему житию было бы разорение»⁸⁴) и разрешить не принимать странствующих монахов (§§ 15, 17 и 18). Эти параграфы ослабляются, однако, указанием на то, что возможны исключения, например, в ситуации войны⁸⁵. При этом из устава следует, что в братстве были и странноприимница (§ 3, §13), и больница; их наличие основывалось заповедью Христа (Мф. 25:35; §12).

Биограф Паисия схимонах Митрофан сохранил подробное описание больничных порядков, включавших в себя соблюдение правил гигиены: Паисий распоряжался «по вся субботы главы мыти и одежды, и от всего очищати: кровати горячею водою парити да не оумножатся блощицы: постели на солнце и на ветер полагая часто: внутрь болниц чистоту блюсти, и всякий день ладаном или иным корением курити, да не будет воздух тяжелый: пищу [для больных] отраднейшу готовить, такожде и хлеб, и вино»⁸⁶.

Из текста Драгомирнского устава с очевидностью следует убежденность Паисия в том, что любые контакты с миром — как странноприимство, так и благотворение — не должны быть бездумными. Более того, автор устава, вероятно, уже сталкивался с тем, что в ситуации присутствия посторонних в монастыре неизбежны конфликты, поэтому вносит в устав требование равной любви настоятеля ко всем — и к братии, и к странникам: «ко всем, во обитель приходящим нищим, болным, неимущым где главы подклонити по заповедем»⁸⁷.

84. «Не поклонен же нигдеже монастырь суши, может благодатию Христовою и общее внем братии житие неразоримо и непоколебимо пребыти» (Устав старца Паисия [см. примеч. 81]. Л. 201–201 об).

85. Așezământul paisian de la Dragomirna (1763) (примеч. 81), § 15. Р. 479–480. — Устав старца Паисия, §15, л. 196 об.: «Присем же еще молим преосвященств ваших и всего духовнаго собора, да и женскому полу вход во обитель вашею богоданною властию возбранен будет, кроме общия христианом нужды яже во время брани и розмира бывает».

86. Митрофан. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия (примеч. 50). С. 260.

87. Așezământul paisian de la Dragomirna (1763) (примеч. 81), § 14. Р. 478–479. — Устав старца Паисия. Л. 195–195 об.

Драгомирнский устав учитывает и ситуацию многоязычия⁸⁸, характерную для паисиевского братства с самого начала: § 17 гласит, что настоятель должен избираться из числа братьев и владеть тремя языками, «ибо братство наше трехязычное»⁸⁹. Игумен должен владеть греческим, славянским и молдавским или, по крайней мере, двумя языками — молдавским и славянским. Таким образом, Паисий не просто не пытается преодолеть многоязычие своих братьев, но сознательно оберегает его. В Драгомирне (1763–1775) и Секу (1775–1779) в зимнее время, когда вся братия находилась в монастыре, он проводит ежевечерние поучения — попеременно на славянском и на молдавском языках. Фактически это была двуязычная, славяно-румынская школа монашеской жизни с регулярными занятиями⁹⁰. В эпоху формирующегося национального самосознания балканских православных народов Паисий оказывается выше любого рода национального и языкового превосходства⁹¹.

В 1775 году — вынужденное к тому политическими обстоятельствами⁹², — братство перешло жить в монастырь Секу. При перехо-

88. Паисий сам перечисляет несколько национальностей в уставе-письме 1778 года и говорит о хороших отношениях между братьями: «и греки, и болгары, и румыны, и славяне» (*Așezământul vieții de obște de la Secu (1778) // Sf. Paisie de la Neamț. Cuvinte și scrisori duhovnicești. Vol. 2. Editura Doxologia a Mitropoliei Moldovei și Viscovinei, 2010. P. 220–231. Здесь P. 226. — Митрофан пишет, что в братстве Паисия были разноязычные монахи из 9 стран (Митрофан. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия [примеч. 50]. С. 288)*
89. *Așezământul paisian de la Dragomirna (1763) (примеч. 81), § 17. P. 481.*
90. После переезда в Нямц эти занятия прекратились, что было предметом скорби как Паисия, так и его братии. Этот мотив встречается многократно. См., напр.: «Заключися медоточный источник учения Божественного, исходящий от уст святого отца нашего [...] инем никогда же и единого словесе не слышавших от уст его. Ибо отсеклося совершенно сборное поучение» (*Митрофан. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия [примеч. 50]. С. 268).*
91. Подобные наблюдения делает и прот. Иоан Икэ мл., полемизируя с интерпретацией заслуг Паисия, принятой в 1980–1990-х годах в монастыре Бистрица и представляющей его в роли возродителя национального румынского духа. См.: *Ioan Ică jr. Posteritatea românească a paisianismului și dilemele ei // Paisie de la Neamț (см. примеч. 81). P. 57–85, здесь p. 74–76.*
92. В связи с переходом Буковины, на территории которой находился монастырь Драгомирна, к Австрии в мае 1775 года по окончании Русско-Турецкой войны 1768–1774 годов.

де же братства в 1779 году в просторный монастырь Нямц соблюдать параграфы устава, ограничивавшие доступ посторонних на территорию монастыря, стало невозможно: вход сюда всегда был открыт паломникам, приходившим ради хранившейся здесь почитаемой иконы Божией Матери. Получив указ молдавского господаря Константина Мурузи о переезде из тесного, но безмолвного Секу в шумный Нямц, Паисий буквально заболел: «не можаше ни ясти ни пити ни спати и изнеможе телом зело»⁹³. Господарь настаивал, старец был вынужден подчиниться.

Условия и ритм жизни в Нямце полностью противоречили представлениям Паисия о монашеской жизни⁹⁴. На Вознесение в монастыре собирались толпы паломников, братьям приходилось тесниться, расходы на прием паломников были огромные. «Прииздяху [...] и седяху елико хотяху: в церкви же вси вкупе: юным не хранящим чувства своя, сеть готова погибели, старым негодование не хотящим ниже слышати о приезде их, блаженному старцу стужание, и о вреде братий соболезнование и скорбь»⁹⁵. Среди братьев начался ропот; мир в братстве серьезно поколебался. Чтобы справляться с потоком людей, желающих поговорить с ним («четыре дны не имать покоя, от утра до вечера двери отверзты и всякому желающему приити невозбранно к нему»), Паисий в праздник Вознесения экономил время даже на еду и ел по ночам⁹⁶. Чтобы сохранять контроль над ситуацией, он установил дежурство: днём и ночью специально выбранные для этого братья следили за порядком в монастыре⁹⁷.

И тем не менее, Паисий, очевидно, обладал способностью ничем не выдавать неудовольствия по отношению к тем, кто так явно нарушал покой братии. Как следует из всей его жизни, начиная с незаплани-

93. *Митрофан*. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия [примеч. 50]. С. 254.

94. Подробнее см. мою статью: *Брискина-Мюллер А.М.* Странники, беженцы, богомольцы. Прп. Паисий (Величковский) и проблема паломничества // *Вопросы теологии* (2) 2019. С. 235–261.

95. *Митрофан*. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия [примеч. 50]. С. 254.

96. Там же. С. 262.

97. Там же.

рованного и долго отодвигавшегося приёма первых учеников в начале 1750-х годов, он был не в состоянии никого прогнать. Формулировка из жития, описывающая его как «второго по страннолюбию Авраама»⁹⁸, на первый взгляд выглядит житийной гиперболой. На поверку же оказывается, что она лишь в характерной для этой среды манере описывает реальную особенность Паисия, сохранившуюся на фоне перемён такого масштаба, как переезд братства в Нямецкий монастырь.

Странноприимец на чужбине

Став основателем и духовным руководителем огромного многонационального братства, Паисий в течение 40 лет постоянно сталкивался с вопросом о том, как быть с братьями разных национальностей, как быть с разными языками и со странниками, приходящими в монастырь. При этом он и сам более 50 лет (из 72-х) был *иностранцем* и был постоянно окружён людьми, бывшими для него иностранцами.

В юности, после ухода из Киево-Печерской лавры, он около четырёх лет прожил в Валахии, откуда ушёл на Афон, где жил среди греков и исповедовался греческому духовнику⁹⁹, а выжил исключительно благодаря помощи болгарских и сербских монахов. Первые восемь братьев, присоединившиеся к полтавчанину Паисию и составившие костяк будущего братства, были румыноязычными уроженцами Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии. Переселившись с Афона в Молдавию, Паисий следующие 30 лет, уже до самой смерти, остаётся иностранцем и *осознается таковым* румынской средой; румынский историк Николае Йорга называет его даже «единственным полезным странником, пришедшим к нам из-за Днестра»¹⁰⁰.

98. Там же. С. 260.

99. Об этом свидетельствует Афанасий, упрекающий Паисия в несоблюдении устава и указывающий ему на то, что его духовник-грек никак не мог разрешить подобное; см.: Scrisoarea Stareşului Atanasie Moldoveanul către Stareşul Paisie (примеч. 48). Р. 34; славянская версия: *Иером. Афанасий Молдаванин*. Письмо монаху Паисию (Величкоскому). Л. 9.

100. См.: Iorga N. Mănăstirea Neamţului. Viaţa călugărească şi munca pentru cultură. Vălenii de Munte, 1912; ed. II, Mănăstirea Neamţu, 1925. Р. 44; цит. по: *Ică jr*. Posteritatea românească a paisianismului (примеч. 91). Р. 67.

Имея за плечами малороссийское происхождение на стыке Запада и Востока, имея образование, полученное в «Киевских Афинах»¹⁰¹, пройдя множество скитов и монастырей, досконально изучив свидетельства, оставленные древними отцами-пустынниками, испробовав на себе разные формы монашества, находясь в постоянном контакте с носителями разных языков и культур, а также с носителями разных представлений о назначении монашества, Паисий стал обладателем совершенно уникального набора «квалификаций», сделавшего его как продолжателем древнего монашества, так и истинным сыном эпохи Нового времени и, в известном смысле, духовным родственником современников, находящихся «по ту сторону» православия — мыслителей европейского христианского Просвещения.

Старчество

В преклонных годах Паисий писал, что так и не сподобился опыта личного послушания¹⁰². Именно поэтому, живя на Афоне, он поначалу отказывался принимать учеников и своего первого ученика принял в качестве духовного брата, а не сына. «Трижды блаженное послушание»¹⁰³ представлялось ему настолько решающим для монашества, что *взаимопослушание* было для него предпочтительнее отсутствия послушания. Именно во *взаимопослушании*, писал он позже другу юности, он начал отчасти осознавать пользу послушания, «еже друг ко другу имехом»¹⁰⁴. Позже, став настоятелем большого братства, в Драгомирнском уставе он в какой-то мере сохраняет идею взаимопослушания, делая настоятеля отчасти подотчетным братии¹⁰⁵ и прививая братьям способность повиноваться *друг другу* «в таком разу-

101. Епископ Гедеон Смоленский в своём письме Киевскому митрополиту Рафаилу (Заборовскому) от 17 июля 1739 года (то есть в период учебы Паисия в академии) сравнивает Киевскую академию с античными Афинами. См.: *Макарий (Булгаков)*. История Киевской Академии (примеч. 15). С. 191.

102. См. примеч. 41.

103. *Иеросхим. Паисий (Величковский)*. Первое послание иерею Димитрию (примеч. 36). С. 400.

104. Там же. С. 408.

105. См. примеч. 82.

ме»¹⁰⁶, а в более поздней версии устава¹⁰⁷ (Секу, 1778 год) фиксирует опыт личного послушания в качестве одного из обязательных требований к будущему настоятелю братства, который когда-то должен был прийти ему на смену.

Прп. Паисий широко известен как возродитель «старчества». Но что он имел в виду, подписывая свои письма «старец Паисий»?

В XVIII-м веке (и, конечно, раньше) это слово означало, прежде всего, монаха вообще, не обязательно пожилого и не обязательно святой жизни. В документах встречаются упоминания и «своровавших старцев»¹⁰⁸. Слово «старец» могло означать и восприемника при монашеском постриге; в этом смысле его употребляет и сам Паисий, рассказывая о своем восприемнике при постриге в рясофор¹⁰⁹. Это слово могло означать и наставника новоначальных монахов, назначенного настоятелем, и отшельника святой жизни, живущего в полном одиночестве, безвестности и вообще не имеющего «духовных чад»: в своей автобиографии прп. Паисий описывает, как хотел поступить в послушание к «пустынножителю» Исихию и называет его и «таковой раб Божий», и «святой старец оный»¹¹⁰.

В румыноязычной среде, в которой жил Паисий, слово «stareț» означает настоятеля скита или монастыря, игумена. В этом смысле «старцем» был и Афанасий Молдаванин, написавший Паисию письмо, полное обвинений. В своём ответе Паисий указывает ему на его неразумие и легковёрность, не сочетающиеся с его положением: «не старец ли ты?», спрашивает он его с упреком¹¹¹. Афанасий также обращается к Паисию «старец», поскольку тот был скитоначальником. В этом же смысле «старцем» был и прп. Василий Поляномерульский, руководитель нескольких скитов в Валахии, в одном из которых в юно-

106. *Иеросхим. Паисий (Величковский)*. Первое послание иерею Димитрию (примеч. 36). С. 402. — Курсив мой (А. Б.-М.).

107. *Așezământul vieții de obște de la Secu (1778)* (примеч. 88). Р. 224.

108. *Харлампович*. Малороссийское влияние (примеч. 15). С. 39 и далее.

109. *Повесть о святом соборе* (примеч. 1). С. 84.

110. Там же. С. 74–80.

111. См.: *Răspunsul Starețului Paisie către Starețul Atanasie* (примеч. 35). Р. 71: «*Au nu ești tu stareț?*»; славянская версия: *Монах Паисий (Величковский)*. Ответ иером. Афанасию Молдаванину. Л. 43: «*Неси ли ты старец?*».

сти несколько лет прожил Паисий. В своём ответе Афанасию он посвящает ему коротенькую главку: «О старце моем Василии»¹¹². В своей автобиографии он называет его «общий всех учитель и наставник» или «общий всех старец и наставник»¹¹³, но в годы жизни в одном из его скитов ни разу не говорил с ним лично и до конца жизни настаивал на том, что так никогда и не сподобился жить у кого-либо в послушании. Первый и, видимо, единственный их личный разговор состоялся на Афоне около 1750 года, когда во время своего недолгого пребывания на Святой Горе прп. Василий пробыл с ним несколько дней, постриг его в мантию и нарёк ему имя Паисий. Очевидно, что, называя его «старцем», Паисий имел в виду его руководство скитами, но не *личное* духовное руководство. Ежедневное управление скитом Трейстены (один из скитов под руководством Василия Поляномерульского), в котором жил Паисий, осуществлялось «начальником» отцом Дометием и «старцем иеросхимонахом» Михаилом, бывшим, видимо, духовником (то есть исповедным священником) братьев скита.

Живя в Молдавии и подписываясь словом «старец», Паисий использовал это слово в его румынском значении — в смысле своей настоятельской функции. Роль руководителя, или «старца», братства состояла для него как в решении организационных вопросов, так и в несении духовных, учительских обязанностей по отношению к братьям. Не считая себя способным к настоящему учительству, он наставляет братство «по книгам» — по творениям святых отцов, переведившихся им именно с этой целью: понять, как должна быть устроена правильная монашеская жизнь, и научить этому братьев.

В своём братстве Паисий вводит и послушание духовников¹¹⁴, на которое назначались опытные братья, при том что сами они, в свою очередь, конечно, также имели своих духовников. Организованное подобным образом духовное руководство не предполагало свободного выбора духовника, его спонтанного почитания или ожидания про-

112. Там же. С. 85; славянская версия: Л. 56–57.

113. Повесть о святем соборе (примеч. 1). С. 126, 134.

114. Об этом пишет автор еще одного румынского жития, ученик прп. Паисия и будущий митр. Унгровахии Григорий Даскал. См.: *Viața starețului Paisie scrisă de Grigorie Dascălul // Paisie de la Neamț* (примеч. 81). P. 359–378, здесь p. 377.

зорливости со стороны окормляемых монахов и, тем более, мирян. Решающим в отношениях между окормляемым и наставником оставалось послушание. При этом речь шла, очевидно, не просто о механическом подчинении, а о создании отношений, возможных только при условии проживания в одном монастыре и покоящихся на своего рода договоренности, состоящей в том, что один приступает к исследованию своей «воли» (своих зависимостей, страстей) с тем, чтобы затем «отсечь» ее (отойти от навязанных извне желаний), а другой, также по послушанию, предоставляет ему себя в качестве наблюдающего. Подобное понимание послушания объясняет и то обстоятельство, что по убеждению Паисия, в ситуации пустыножительства, если духовный отец не находится, в качестве товарища по послушанию можно иметь и духовного брата, то есть послушание не обязательно должно выстраиваться в одностороннем порядке, но может быть и взаимным.

Духовное руководство предназначено, по Паисию, только монахам, служит очищению ума, освобождению от страстей и призвано помочь научиться пребыванию с Богом, «во Иорданской пустыни», во внутреннем безмолвии — будь то в форме молитвы, чтения, богослужения или даже в форме работы над переводами святоотеческих творений со словарями и справочниками.

Излагая свое видение монашества и описывая основные пункты своего устава в письме другу своей юности, священнику Димитрию¹¹⁵, Паисий не упоминает ни постов, ни молитвенных правил. Их соблюдение настолько естественно, что не обсуждается отдельно (в этом он близок прп. Исааку Сирину). В качестве основных требований к братьям он называет нестяжание, послушание и любовь с постоянной взаимоподдержкой. Для Паисия они суть три проявления одного и того же внутреннего состояния: готовности к совлечению себя, готовности отступить от себя («отсечь свою волю»), нежелания ничего для себя. И видимо, только благодаря послушанию, понятому именно таким образом, смогло так долго (более 50 лет!) просуществовать это уникальное своей разнородностью братство¹¹⁶.

115. *Иеросхим. Паисий (Величковский)*. Первое послание иерею Димитрию (примеч. 36).

116. См. примеч. 90.

Подобного рода послушание и духовное окормление возможны, по убеждению Паисия, только в условиях закрытой монастырской среды, где каждый придерживается одних и тех же внешних правил (устава) и внутренних установок. Паисий пишет о том, что эти порядки у них «зело опасно наблюдаются»¹¹⁷, то есть очень внимательно соблюдаются. И именно о предстоящей утрате этого покоя он плакал¹¹⁸, узнав о намерении господаря переселить его с братством из тесного, но тихого Секу в просторный, шумный, открытый для паломников Нямц. Именно поэтому он поначалу был против публикации подготовленных им переводов аскетических текстов, поскольку был уверен, что описанное там, будучи вырвано из контекста и лишено почвы, будет истолковано превратно, передеернуто, утратит смысл и приведёт к «самочинию» и прелести¹¹⁹.

Но дух, насаждённый Паисием в братстве за время их пребывания на Афоне, в Драгомирне и Секу, видимо, всё же чувствовался окружающими и в Нямце: стоило братству переселиться туда, как в монастырь хлынули толпы мирян, жаждавших утешения, наставления и просто лицемерия известного «старца». В этот период слово «старец» в приложении к прп. Паисию (Величковскому) начинает обретать то значение, которое известно сегодня нам по оптинской традиции: монах святой жизни, окормляющий (зачастую сотни и тысячи) приходящих к нему страждущих мирян не только в их духовных исканиях, но и в житейских скорбях.

Незнакомый Паисий Величковский

Рано давшая о себе знать и, видимо, никогда не утихавшая тоска по Богу и стремление к пребыванию с Ним (в чтении, молитве, богомыслии, переводах), гуманистическое образование, полученное в Киевской академии, странничество, многоязычие, взаимопослушание, доверие «уму» (то есть и в внутренней молитве, и мысли, и интеллек-

117. *Иеросхим. Паисий (Величковский)*. Первое послание иерею Димитрию (примеч. 36). С. 412.

118. Примеч. 93.

119. О своих сомнениях он писал архимандриту Феодосию (Маслову): Второе послание Феодосию (см. примеч. 45). С. 372.

туальным занятиям), разумность — вот тот фундамент, на котором создавался и созревала Паисиев «проект».

Во всём, к чему прикасается Паисий, просматривается типичное для него, но и для эпохи стремление к «улучшению». Паисий создает *улучшенное* монашество и действует при этом «по книгам». Другая типичная черта эпохи, в которую он жил, т. е. эпохи Просвещения, — вненациональность с одновременно бережным отношением к национальному — поражает в Паисии как глубиной осознанности, так и нетипичностью для православной среды того времени. Идея написания автобиографии также выдает в нём сына эпохи: стремление к максимальной объективности и отстраненности в изложении событий, двигавшей им, характерно для историографов Нового времени.

Библиотеки монастырей Драгомирна, Секу и Нямец содержали не только богословские книги, но и сочинения по естественным наукам, географии, медицине¹²⁰. Паисий переписывается с Евгением Булгарисом (поддерживавшим, в свою очередь, отношения с Иммануилом Кантом и многими другими значительными мыслителями и деятелями эпохи), Никифором Феотоки, Дорофеем Вулисмасом. Он посылает братьев учиться в Бухарестскую академию. На Афоне он состоит в тесных отношениях с инициатором создания Афонской академии патриархом Кириллом V. Устройство общины у Паисия было продумано рационально и предполагало не просто социальное служение (больницу, странноприимницы), но и соблюдение передовых для того времени правил гигиены.

Автобиография, письма, воспоминания современников свидетельствуют о даровании, всю жизнь пробивавшемся сквозь асфальт обстоятельств — к тому, что влекло его с ранней юности. Уход в монашество, несмотря на трагедию матери, чуть не умершей от горя из-за разлуки с ним, последним живым из её 12 детей; решение прервать слишком светскую филологическую учебу в академии — и создание собственной «аскетико-филологической»¹²¹ школы; многократные

120. Просматривается по каталогу: *Ștrempele G. Catalogul manuscriselor românești de la BAR. Vol. 1–4. București, 1978–1992.*

121. По формулировке греческого исследователя А.-Э. Тахиаоса. См. одноименную книгу: *Ταχιάος Α.-Αίμ. Ν. Ὁ Παῖσιος Βελιτσκόφσκι καὶ ἡ Ἀσκητικοφιλολογικὴ Σχολὴ τοῦ Θεσσαλονίκης, 1964 (Publications of the Institute for Balkan Studies, 73).*

настойчивые попытки остаться у того или иного наставника, в том или ином монастыре — и продолжение странничества; решение уйти из Киево-Печерской лавры, хотя уже было принято решение остаться там навсегда; решение жить в послушании у какого-нибудь пустынножителя в качестве ученика — и в итоге создание огромного братства и жизнь в знаменитом общежительном монастыре в качестве настоятеля; решение не оставаться в Валахии, а идти на Афон, хотя в лице прп. Василия Поляномерульского, звавшего его к себе в скит¹²², он мог иметь опытного наставника; решение принять священный сан, хотя до того имелось твёрдое намерение никогда не принимать сана; решение принимать учеников, хотя было решение никого не брать; решение уйти с Афона, хотя прежде было решение остаться; создание собственного монастырского устава, легшего впоследствии в основу уставов многих монастырей в Дунайских княжествах и Российской империи; руководство двойным монастырём (Секу и Нямцем) и переводческой мастерской; несколько переездов братства; обширная переписка; богословская полемика; и — возможно, самое необычное для этой среды, но характерное для эпохи — решение написать собственную автобиографию, не только излагая события своей жизни, но и описывая, иногда очень подробно, свои чувства, страхи, слезы и недоумения.

Личность прп. Паисий (Величковского) и его биография — золотая кладовая и для историка, обращающегося к ним с чисто научным интересом, и для верующего, руководствующегося совсем другими мотивами. В жизни Паисия (Величковского) соединились страны, языки, народы, эпохи, культурные традиции, всевозможные формы монашеской жизни тысячелетней давности, забытые, возрождённые, казалось бы, в совершенно чужеродную, но оказавшуюся плодородной для православия эпоху — в эпоху Нового времени.

122. Повесть о святем соборе (примеч. 1). С. 136–138. — Старец Василий звал его к себе не в личной беседе; они общались через посредничество духовника Паисия.

Библиография

Источники

[Иером. Афанасий Молдаванин] Scrisoarea Starețului Atanasie Moldoveanul către Starețul Paisie // Sfântul Paisie de la Neamț, Cuvinte și scrisori duhovnicești. Editura Doxologia, 2010. Т. 2. Р. 38–108.

Славянская версия письма: [Иером. Афанасий Молдаванин. Письмо монаху Паисию (Величковскому) // Прп. Паисий (Величковский). Полемика с Афанасием. М. (в печати)

Прп. Григорий Синаит. Главы о заповедях и догматах // Добротолюбие. Т. 5. М., 2014. С. 161–191.

Греч. изд.: Γρηγόριος ὁ Σιναΐτης. Κεφάλαια δι' ἀκροστιχίδος πάνυ ὠφέλιμα. Λόγοι διαφοροί // Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν νηπτικῶν. Ἀθήναι, 1893. Т. 2. Σ. 243–267

Прп. Григорий Синаит. Наставления безмолвствующим // Добротолюбие. Т. 5. М., 2014. С. 192–201.

Греч. изд.: Γρηγόριος ὁ Σιναΐτης. Περὶ τοῦ πῶς δεῖ καθέζεσθαι τὸν ἡσυχάζοντα εἰς τὴν εὐχήν // Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν νηπτικῶν. Ἀθήναι, 1893. Т. 2. Σ. 273–279.

[Grigorie Dascălul] Viața starețului Paisie // Paisie de la Neamț. Autobiografia și Viețile unui stareț, urmate de Așezăminte și alte texte. Ed. a III-a adăug. Ed. de diac. Ioan I. Ică jr., Sibiu 2015. С. 359–378.

Григорович-Барский Василий. Странствования по святым местам Востока, с 1723 по 1747 гг. / Под ред. Николая Барсукова. Ч. I. СПб., 1885.

[Isaac Dascalul.] Viața cuviosului Paisie de la Neamț. Iași, 1997. Р. 1–89.

Исаак Сирун, прп. Слова подвижнические. Москва, 2016.

Критическое издание: Μάρκελλος Πιράρ [= Marcel Pirard] (ed.): Τοῦ ὁσίου Ἀββᾶ Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου Λόγοι Ἀσκητικοί. Ἡ κριτικὴ ἔκδοσις. Ἁγιον Ὄρος, 2012

Патриарх Константинопольский Кирилл V. Письмо митрополиту Киевскому Арсению (Могилянскому) от 4 апреля 1763 г. // Шумило С.В. Незвестное письмо прп. Паисия Величковского за 1763 г. и другие документы, касающиеся его игуменства в монастыре Симонопетра // Афонское наследие. 5–6 (2017). С. 249–251.

Митрофан, схимон. Житие и подвиги блаженного отца нашего старца Паисия // Прп. Паисий Величковский. Житие и избранные творения. Церковно-славянский текст с параллельным русским переводом А.П. Власюка. Серпухов: Наследие Православного Востока, 2014. С. 166–302.

[*Монах Паисий Величковский.*] Răspunsul Stareșului Paisie către Stareșul Atanasie // Sfântul Paisie de la Neamț, Cuvinte și scrisori duhovnicești. Editura Doxologia, 2010. Т. 2, р. 38–108.

Славянская версия: *Монах Паисий (Величковский)*. Ответ иером. Афанасию Молдаванину // *Прп. Паисий (Величковский)*. Полемика с Афанасием. М. (в печати).

Иеромон. Паисий (Величковский). Письмо митрополиту Киевскому Арсению (Могилянскому), от 20 апреля 1763 г. // *Шумило С.В.* Неизвестное письмо прп. Паисия Величковского за 1763 г. и другие документы, касающиеся его игуменства в монастыре Симонопетра // *Афонское наследие*. 5–6 (2017). С. 245–248.

Idem. Письмо митр. Гавриилу Каллимаху (1763 г.). РНБ фонд 573 СПбДА № 279. Л. 175–183.

Рум. версия: Scrisoarea către Mitropolitul Gavriil Calimachi // Paisie de la Neamț. Autobiografia și Viețile unui stareț, urmate de Așezăminte și alte texte. Ed. a III-a adăug. Ed. de diac. Ioan I. Ică jr., Sibiu 2015. P. 462–468.

Idem. Драгомирский устав (Устав старца Паисия): РНБ фонд 573 СПбДА № 279. Л. 183–202.

Рум. версия: Așezământul [paisian] de la Dragomirna (1763) // Paisie de la Neamț. Autobiografia și Viețile unui stareț, urmate de Așezăminte și alte texte / ed. a III-a ad., de Ioan I. Ică jr. Sibiu, 2015. P. 468–483.

Иеросхимон. Паисий (Величковский). Первое послание иерею Димитрию (от 16 мая 1766 г.) // *Прп. Паисий Величковский*. Житие и избранные творения. Церковно-славянский текст с параллельным русским переводом А.П. Власюка. Серпухов: Наследие Православного Востока, 2014. С. 390–416.

Idem. Письмо архим. Феодосию (Маслову) («Второе послание Феодосию») // *Прп. Паисий Величковский*. Житие и избранные творения. Церковно-славянский текст с параллельным русским переводом А.П. Власюка. Серпухов: Наследие Православного Востока, 2014. С. 336–374.

Idem. Așezământul vieții de obște de la Secu (1778) // *Sf. Paisie de la Neamț*. Cuvinte și scrisori duhovnicești. Vol. 2. Editura Doxologia a Mitropoliei Moldovei și Bucovinei, 2010. P. 220–231.

Схиархим. Паисий (Величковский). Повесть о святем соборе превозлюбленных о Господе отец и братий и чад моих духовных [...]. Как и почему сие святое братство собралось ко мне, грешному и недостойному // *Прп. Паисий Величковский*. Житие и избранные творения. Церковно-славянский текст с параллельным русским переводом А.П. Власюка. Серпухов: Наследие Православного Востока, 2014. С. 7–160.

[Платон, схимон.]. Житие и подвиги блаженного отца нашего Паисия. Нямецкий монастырь, 1836.

Репринт: *Tachiaos A.-E. N. The Revival of Byzantine Monasticism among Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794)*. Thessalonica, 1986. P. 151–225.

[Турчиновский Илия.] Автобиография южно-русского священника первой половины XVIII столетия // Киевская старина 1885/2. С. 318–332.

Шумило С.В. Неизвестное письмо прп. Паисия Величковского за 1763 г. и другие документы, касающиеся его игуменства в монастыре Симонопетра // Афонское наследие. 5–6 (2017). С. 231–255.

Литература на русском языке

Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии / Введение и примечания Н.И. Петрова. Киев, 1904. Отд. 2. Т. 1. Ч. 2.

Алексеев А.И. Антоний // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 652–653.

Брискина-Мюллер А.М. Влияние духа гуманизма и Просвещения на жизнь и труды воспитанника Киевской академии прп. Паисия (Величковского) // Труды Киевской Духовной академии 25 (2016). С. 249–264.

Брискина-Мюллер А.М. «Прилепись всею душою твоею к чтению книжному!». Чтение — забытая категория аскетического богословия прпп. Исаака Сирина, Григория Синаита и Паисия (Величковского) // Богословский вестник 31 (2018). С. 93–122.

Брискина-Мюллер А.М. Прп. Паисий (Величковский) в бытность свою игуменом монастыря Симонопетра. Об обстоятельствах переселения прп. Паисия и его братства с Афона в Молдавское княжество (1763 г.) // Труды Киевской духовной академии 29 (2018). С. 235–257.

Брискина-Мюллер А.М. Странники, беженцы, богомольцы. Прп. Паисий (Величковский) и проблема паломничества // Вопросы теологии (2) 2019. С. 235–261.

(Булгаков) Макарий, митр. История Киевской Академии. СПб., 1843.

В[ишневецкий] Д.К. Киевский митрополит Рафаил Заборовский и его меры к исправлению духовенства // Киевская старина 3 (1899). С. 397–423.

Граевский И.С. Киевский митрополит Тимофей Щербацкий. Киев, 1912.

Орловский П., прот. Сказание о блаженном Рафаиле, митрополите Киевском. Киев 1908.

Пелин В. Прп. Василий Поляномерульский // Православная энциклопедия. Т. 7. С. 214–216.

Харламович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914.

Чучко М. Жизнь и деятельность митрополита Антония Путняну-Черновского († 1748) в северных волостях земли Молдавской и в провинции Буковина // Русин 3/29 (2012). С. 91–105.

эл. версия: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-i-deyatelnost-mitropolita-antoniya-putnyanu-chernovskogo-1748-v-severnyh-volostyah-zemli-moldavskoy-i-v-provintsii-bukovina/viewer> [дата обращения 30.8.2022]

Литература на иностранных языках

Києво-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст.: Енцикл. Київ, 2001.

Ică I. jr. Posteritatea românească a paisianismului și dilemele ei // Paisie de la Neamț. Autobiografia și Viețile unui stareț, urmate de Așezăminte și alte texte. Ed. a III-a adăug. Ed. de diac. Ioan I. Ică jr., Sibiu 2015. P. 57–85.

Iorga N. Mănăstirea Neamțului. Viața călugărească și munca pentru cultură. Vălenii de Munte, 1912 ed. II, Mănăstirea Neamțu, 1925.

Păcurariu M. Vasile dela Poiana Mărului // Dicționarul teologilor români. Sibiu, 2014. P. 685–686.

Raccanello D. Rugăciunea lui Iisus în scrierile starețului Vasile de la Poiana Mărului. Sibiu, 1996 (перевод с итальянского).

Raccanello D. Vasiliј de Poiana Marului // Dictionnaire de Spiritualité 16 (1992). Col. 292–298.

Raccanello D. Sfântul stareț Vasile de la Poiana Mărului. Introduceri în rugăciunea lui Iisus și isihasm. Sibiu, 2009.

Ștrempel Gabriel. Catalogul manuscriselor românești de la BAR. Vol. 1–4. București, 1978–1992.

Ταχιάος Ἄ.-Αἰμ. Ν. Ὁ Παῖσιος Βελιτκόφσκι καὶ ἡ Ἀσκητικοφιλογικὴ Σχολή του. Θεσσαλονίκη, 1964 (Publications of the Institute for Balkan Studies, 73).

НЕЗНАКОМЫЙ ПАИСИЙ (ВЕЛИЧКОВСКИЙ)

**St. Paisius Velichkovsky whom we do not know.
Concerning some little-known circumstances
of his biography and views**

Anna Briskina-Müller

Dr.theol.

Saxon Academy of Sciences and Humanities, Leipzig (Germany)

Abstract. Despite the great fame of St Paisius (Velichkovsky) in the Orthodox world, neither his life nor his writings can be considered sufficiently studied. This essay attempts to turn to his biography, using the methods of church-historical science, and thus to look at him as a man of his time, the Enlightenment. The article examines the education received by St Paisius (the initial qualification of a philologist, latinist), his attitude to intellectual work, his understanding of obedience, his approach to the ascetic patristic writings, some specific moments of the monastic rules he wrote, the consciously preserved multilingualism of the his brotherhood, the circumstances of his and his brother's leaving Athos, their repeated change of monasteries, and also his understanding of eldership.

Keywords: monasticism, eldership, patristic tradition, ascetics, history of the Orthodoxy in the Early Modern Era, the Kievan Academy, Mount Athos, Dragomirna, Secu, Neamt.